

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-011-0316

ISBN 978-5-907307-38-4

© ООО ТД «Никея», 2021

Содержание

Эрнст Теодор Амадей Гофман	
Приключения в новогоднюю ночь	
<i>Перевод Г. Снежинской</i>	7
1. Возлюбленная	8
2. Компания в погребке	19
3. Видения	30
4. История о пропавшем отражении	38
Постскриптум Странствующего Энтузиаста.	
	68
Повелитель блох. <i>Перевод М. Петровского</i>	
<i>Фрагменты</i>	70
Чарльз Диккенс	
Одержимый, или Сделка с призраком	103
Джером Клапка Джером	
Встреча автора с ангелом. <i>Перевод</i> <i>Л. Мурахиной-Аксеновой</i>	
	271
Томас Гарди	
Трагедия двух честолюбий	
<i>Перевод Н. Волжиной</i>	283

Эрнст Теодор Амадей Гофман
(1776–1822)

Приключения в новогоднюю ночь

Предисловие издателя

Странствующий Энтузиаст¹ — а из его дневника мы заимствуем еще одну «Фантазию в манере Калло», — судя по всему, столь мало разделяет свой внутренний мир и мир внешний, что для него и грань между ними едва уже различима. Однако именно потому, что и ты, благосклонный читатель, вряд ли их четко разграничишь, духовидцу и удастся завлечь тебя, и тогда ты нежданно-негаданно оказываешься в неведомом волшебном царстве, а странные его обитатели с легкостью вторгаются в окружающий тебя внешний мир и начинают обходить-ся с тобой по-приятельски, словно старинные

.....
¹ *Странствующий Энтузиаст* — сквозная фигура «Фантазий в манере Калло», имеющих подзаголовок: «Листки из дневника Странствующего Энтузиаста». Образ объединяет в себе героя некоторых новелл, рассказчика и отчасти самого автора.

знакомцы. Но от души прошу тебя, благосклонный читатель: обходишь и ты с ними в точности так же, а еще лучше — совершенно покоришься их чудодейственному могуществу и даже приготовься иной раз перенести без смятения лихорадочный жар, который может, пожалуй, начаться, если чудесная эта власть всецело тебя захватит. Пожалуй, это все, чем могу я содействовать Странствующему Энтузиасту, с которым приключилось однажды в Берлине в ночь под Новый год.. Впрочем, с ним подобное случается в любое время и в любом месте — множество странных, поразительных вещей!

1. Возлюбленная

Холод, леденящий холод смерти был в моем сердце, острыми, словно ледяные иглы, когтями терзал он мне душу, пронзал каждый мой раскаленный нерв. Как безумный я ринулся, забыв пальто и шляпу, во мрак ненастной ночи.

Флюгера стонали под ветром, казалось, само неумолимое Время с зловещим скрежетом заводит свой вечный часовой механизм, еще мгновение — и старый год сорвется, словно

тяжелая гиря, и с глухим рокотом обрушится в мрачную бездну.

Ты ведь знаешь, Рождество и Новый год — эти праздники, что всем вам сулят столь много чудесных невинных радостей, меня всякий раз гонят прочь из моего укрытия и ввергают в ваше бурное житейское море. Рождество! Этот праздник с приветным добрым светом я предвкушаю задолго до его прихода. Я изнываю от нетерпения, дожидаясь этого дня, и становлюсь лучше, чище, чем был я весь долгий год, ни единой черной мысли не таится в моей груди, широко распахнутой навстречу поистине небесной радости, — я будто превращаюсь в маленького мальчика, который вот-вот залетится от удовольствия звонким смехом. На ярмарке в ярко освещенных палатках среди пестрой блестящей цветной мишуры ласково улыбаются мне дивные ангельские лица, а в уличном гомоне я слышу божественную музыку органа, что словно льется с самих небес: «Ибо ныне родился нам Младенец...»

Но лишь только окончится праздник, как все умолкает, и меркнет добрый приветный свет, поглощенный мутною мглою. И год от году все больше цветов опадает, увянув, и никогда уж весеннему солнышку не пробудить новой жизни в иссохших ветвях.

Все это мне прекрасно известно, но тем не менее всякий раз на исходе года вражья сила, глумясь и насмехаясь, нашептывает мне прямо в ухо: «Погляди-ка, погляди, сколько радостей оставил ты в уходящем году, и они не вернутся к тебе никогда, никогда! Зато ты теперь поумнел, презренные забавы и утехы теряют в твоих глазах былую прелесть, мало-помалу ты становишься степенным человеком и не нуждаешься в веселье!»

К сочельнику дьявол неизменно припасает для меня совершенно особенный сюрприз. Выбрав подходящий момент, он с тысячью насмешек и издевательств вонзает острые когти мне в сердце и наслаждается зрелищем льющейся из раны крови. И всегда-то он находит пособников, вот и г-н советник юстиции не далее как вчера превосходно ему подыграл. У него (я говорю о советнике) под Новый год обычно собирается большое общество, и хозяин всячески старается ублажить ради праздничка каждого из гостей, но все у него получается на удивление неловко, несуразно, и любые веселые затеи и выдумки, с невероятным усердием изобретенные советником, непременно оканчиваются каким-нибудь смехотворным конфузом.

Как только я вошел в дверь, советник устремился мне навстречу, преграждая вход в свое

святилище, откуда струился аромат душистого чая и благовонного табака. Советник, казалось, чрезвычайно радовался чему-то и лукаво поглядывал на меня со странной улыбкой.

— Ах, это вы, дружок! Дружочек вы мой! — сказал он. — А ведь в гостиной вас ожидает нечто весьма приятное. Бесподобный новогодний сюрприз! Только не пугайтесь!

Эти слова камнем легли мне на сердце, в душе моей пробудились самые мрачные предчувствия, смутная тревога охватила меня. Но вот двери гостиной отворились, я быстро прошел вперед, переступил порог... И тут среди сидевших на диване дам мне явилось вдруг в озарившем все ярком свете блистательное видение... Она, это была она, та, которую не видел я долгие годы... Счастливейшие мгновения всей моей жизни¹ опалили мне душу, сверкнув ослепительным жгучим лучом. И канула, испепеленная им, губительная мысль о разлуке: отныне нет, нет более моей невозвратимой утраты!

Какой чудесный случай привел ее сюда, какими судьбами оказалась она среди гостей советника, который, сколько мне было известно, не

.....
¹ Гофман говорит о своей романтической любви к Юлии Марк, молодой девушке, которой он давал уроки музыки и пения. Героиня новеллы (как и позднего романа «Житейские воззрения кота Мурра») носит имя Юлия.

принадлежал к числу ее знакомых, — я не размышлял об этом, до того ли мне было: мы вместе, мы снова вместе!

Наверное, я замер на полпути, будто пораженный ударом, — хозяин дома легонько толкнул меня:

— Ну, дружочек, что ж вы?

Я механически двинулся дальше, видя лишь ее одну, и в моей стесненной груди мучительно рождались слова: «Господи! Господи! Юлия здесь?..»

Я подошел уже вплотную к чайному столу, только тогда Юлия наконец-то меня заметила. Привстав, она холодно обратилась ко мне:

— Очень рада вас видеть. Вы прекрасно выглядите. — Затем она села и повернулась к своей соседке: — Вы не слышали, что интересного на будущей неделе в театрах?

Ты приближаешься к великолепному цветку, он сияет ласковым взором и источает загадочное сладостное благоухание, вот ты склоняешься, чтобы лучше видеть прекрасное лицо... И тут из венчика мерцающих лепестков тебя поражает леденящий убийственный взгляд василиска! Вот что пережил я в этот миг...

Я отвесил донельзя неуклюжий поклон дамам и — будто мало мне было яду, будто нелепости еще недоставало! — отпрянув назад, толкнул

хозяина, стоявшего с чашкой в руке — горячий чай выплеснулся прямо на его тончайшую кружевную манишку. Гости принялись подтрунивать над советником, которого, дескать, преследует злой рок, однако на самом деле они потешались конечно же над моей неловкостью. Итак, почва была подготовлена, оставалось лишь ждать неизбежного дьявольского бесчинства, но скрепя сердце я решил все снести и глубоко затаил отчаяние. Юлия не засмеялась вместе со всеми; мой блуждающий взгляд вновь и вновь обращался к ней, и тогда, мнилось мне, из прекрасного прошлого, из жизни, исполненной поэзии и любви, словно блистал мне светлый луч. В соседней гостиной послышалась музыка, там импровизировали на фортепиано — среди гостей началось движение. Кто-то сказал, что это играет знаменитый виртуоз по имени Бергер¹, что исполнение его прямо-таки божественно и что надобно слушать пианиста, ничем другим не отвлекаясь.

— Ах, перестань же греметь ложками, Минхен, что за несносный звон! — сказал советник, затем он плавно повел рукой в направлении двери и сладко молвил: «Eh bien»², приглашая дам

.....
¹ *Людвиг Бергер* (1777–1839) — известный пианист и композитор, учитель Ф. Мендельсона. Концертировал кроме Берлина в Лондоне и Петербурге.

² Ну что же (*фр.*).

пройти в соседнюю гостиную к музыканту. Юлия тоже поднялась и медленно пошла вслед за всеми.

В нынешнем облике Юлии было нечто, прежде незнакомое мне: она казалась выше ростом, красота ее стала пышной, почти величественной. Ее белое необычного покроя платье с широкими рукавами до локтя ниспадало богатыми складками и лишь слегка прикрывало плечи, волосы были причесаны иначе, чем у других дам, — разделенные впереди пробором, они были высоко подняты на затылке и заплетены во множество косичек, — все это придавало ее облику нечто старинное, она живо напомнила мне юных дев с картин ван Мириса¹, но вместе с тем меня не покидало чувство, что я уже встречал где-то наяву то создание, каким явилась предомной Юлия. И тут она сняла перчатки, и я увидел на ее руках богато изукрашенные браслеты, они, как и весь ее наряд, совершенно оживили мое смутное воспоминание. Помедлив на пороге, Юлия обернулась и взглянула на меня, и в тот же миг мне почудилось, будто это ангельское, полное юной прелести личико вдруг оказалось язвительной гримасой. Меня охватил

.....
¹ *Франц ван Мирис Старший* (1635–1681) — нидерландский художник, мастер портретной, исторической и жанровой живописи.

безотчетный ужас, я содрогнулся от страшного предчувствия.

— Ах, он играет божественно! — пропищала над ухом у меня некая девица, приведенная в экстатическое состояние сладким чаем; сам не знаю как, ручка этой особы уцепилась за мой локоть, и я повел ее, вернее, смиренно поплелся за ней в соседнюю гостиную. В эту минуту музыкант разразился неистовым шквалом аккордов, они бурно вздымались и обрушивались, словно рокочущие валы, — это было прекрасно!

И тут Юлия оказалась рядом со мной и прошептала так нежно и ласково, как никогда раньше:

— О, если б это ты был сейчас за роялем и пел сладостные песни утраченных нег и надежд!

Дьявольское наваждение сгнуло, и я готов уже был воскликнуть: «Юлия!», чтобы излить в этом имени все небесное блаженство, переполнившее меня в этот миг. Но гости советника отеснили Юлию и увели прочь от меня.

Теперь Юлия явно меня избегала, но все же иной раз мне удавалось то коснуться края ее платья, то ощутить ее легкое дыхание, и тогда минувшее блаженство воскресало в моей душе, как память о несказанной прелести ярких весенних красок.

Шквал мощных аккордов отбушевал, небо прояснилось, и по светлой лазури, будто легкие

золотистые облака на рассвете, проплыли нежнейшие прощальные мелодии, проплыли и растаяли в последнем пианиссимо. Музыкант был щедро вознагражден рукоплесканиями, общество пришло в движение, и внезапно я вновь оказался рядом с Юлией. Душа моя воспрянула, терзаемый муками любви, я устремился к Юлии, желая удержать ее, заключить в объятия. Но тут лакей вдруг деловито просунул между Юлией и мною, выставив вперед большой поднос с бокалами, и отвратительно прогнусавил:

— Не угодно ли?

Посреди подноса, меж бокалов с горячим пуншем играл и искрился прекрасный хрустальный фиал, по видимости, тоже с пуншем. Каким образом этот особенный, изысканный сосуд оказался среди обычных бокалов, лучше всего ведомо тому, кого я понемногу научился распознавать. Этот господин, подобно Клеменсу в «Октавиане», не без изящества прихрамывает на одну ногу, а из всех нарядов предпочитает короткий красный плащ и алые перья¹. И вот Юлия выбрала именно этот хрустальный кубок,

.....
¹ В драме Людвиг Тика «Император Октавиан» (1804) один из персонажей, горожанин Клеменс, изображает черта, вымазав себе лицо сажей и прихрамывая. У Гофмана хромота в сочетании с традиционным костюмом Мефистофеля также служит опознавательным признаком не названного в тексте черта.